

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-1-87-103
УДК 792.075+792.03(=161.1)"1935/1942"

П. Н. Гордеев

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0003-2842-4297

«Считаю Вас очень близким мне человеком...»: Е. К. Малиновская, В. И. Немирович-Данченко и другие в 1935–1942 годах

АННОТАЦИЯ

Елена Константиновна Малиновская (1875–1942) оставила заметный след в истории русского театра конца 1910-х — 1930-х годов. Управляя после революции московскими академическими театрами, в 1924 году она вынуждена была подать в отставку, а в 1930 году вновь вернулась в театральный мир, возглавив Большой театр. После окончательной отставки в 1935 году фигура Малиновской выпадает из поля зрения театроведов. Между тем она, пережив репрессии в отношении своих детей и потеряв все административные посты, отнюдь не утратила связи с миром сценического искусства. В статье, написанной на материалах нескольких архивов (обширный личный фонд Малиновской в Российском государственном архиве литературы и искусства, фонд семьи Малиновских в Государственном архиве Российской Федерации, фонд В. И. Немировича-Данченко в Музее МХАТ и фонд Е. П. Пешковой в Архиве А. М. Горького, а также следственные дела из Центрального архива ФСБ России), изучены последние семь лет жизни незаурядной деятельницы русского театра. Особенное внимание уделено переписке Малиновской с В. И. Немировичем-Данченко, пытавшимся оказать поддержку своей бывшей начальнице. Показано, что даже в тяжелых условиях эвакуации в 1941 году из Москвы в Куйбышев вплоть до последних дней жизни Малиновская старалась принимать деятельное участие в судьбе Большого театра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Е. К. Малиновская, В. И. Немирович-Данченко, русский театр 1930-х годов, Большой театр, МХАТ.

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-1-87-103
УДК 792.075+792.03(=161.1)"1935/1942"

Petr N. Gordeev
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2842-4297

"I consider you a very close person to me...": E. K. Malinovskaya, V. I. Nemirovich-Danchenko and others in 1935–1942

ABSTRACT

Elena Konstantinovna Malinovskaya (1875–1942) left a noticeable mark in the history of the Russian theatre of the late 1910s – 1930s. After managing Moscow academic theatres after the revolution, in 1924 she was forced to resign, and in 1930 she returned to the theatrical world, by leading the Bolshoi Theatre. After her final resignation in 1935, the figure of Malinovskaya drops out of view for theatre scholars. Meanwhile, after having outlived the repression of her children and having lost all administrative positions, she had by no means lost touch with the world of performing arts. In this article, which is written using the material of several archives (Malinovskaya's extensive personal fonds in the Russian State Archive of Literature and Art, the Malinovsky Family Fonds in the State Archive of the Russian Federation, the V. I. Nemirovich-Danchenko Foundation in the Moscow Art Theatre Museum, and the E. P. Peshkova Foundation in the Gorky Archive, as well as investigative files from the Central Archive of the FSB of Russia), the last seven years of the life of an outstanding activist for the Russian theatre have been carefully examined. The author pays particular attention to Malinovskaya's correspondence with Vladimir Nemirovich-Danchenko, who tried to support his former boss. The article reveals that even in the difficult conditions of evacuation from Moscow to Kuybyshev (Samara) in 1941, up to the last days of her life, Malinovskaya tried to take an active part in the fate of the Bolshoi Theatre.

KEYWORDS

E. K. Malinovskaya, V. I. Nemirovich-Danchenko, Russian Theatre of the 1930s, Soviet Theatre, Bolshoi Theatre, Moscow Art Theatre.

Фото 1. Е. К. Малиновская. 1920 год. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 81. Л. 3 / Е. К. Malinovskaya. 1920. RGALI. F. 1933. Op. 2. D. 81. L. 3

Елена Константиновна Малиновская (1875–1942) была видной деятельницей русского театра конца 1910-х — первой половины 1930-х годов. Назначенная после Октябрьской революции комиссаром московских театров, она возглавляла государственные (с 1919 года — академические) театры столицы до 1924 года, затем была отправлена в отставку, а в 1930–1935 годах вновь вернулась к руководству сценическим миром в роли директора Большого театра [1, с. 369–371; 2, с. 63–65]. После 1935 года судьба Малиновской выпадает из поля зрения театроведов. Между тем и в последние годы своей жизни, тяжелые годы, Малиновская не порывала связи с людьми театра. На основании данных архивных фондов Е. К. Малиновской в РГАЛИ, семьи Малиновских в ГА РФ, В. И. Немировича-Данченко в Музее МХАТ, Е. П. Пешковой в Архиве А. М. Горького (АГ) и следственных дел из Центрального архива ФСБ России в настоящей статье предпринята попытка исследования завершающего этапа жизненного пути некогда влиятельной фигуры советского театра (фото 1).

23 января 1935 года Политбюро ЦК ВКП (б) по предложению К. Е. Ворошилова, незадолго до этого возглавившего правительственную комиссию по руководству академическими театрами, постановило «освободить т. Малиновскую от обязанностей директора Большого академического театра», назначив на ее место бывшего начальника Центрального дома Красной Армии В. И. Мутных [3, с. 252, 762]. В литературе высказывалось аргументированное предположение, что опала Е. К. Малиновской была связана

с утратой номенклатурных позиций А. С. Енукидзе, считавшимся ее покровителем (впрочем, их отношения не были безоблачными) и занимавшим до начала 1935 года пост председателя комиссии по руководству академическими театрами [4, с. 46–48]. Именно Енукидзе 26 января¹ официально, от имени упомянутой комиссии оповестил Малиновскую об отставке, сделав это в максимально мягкой форме: «комиссия <...> с сожалением удовлетворяет Вашу неоднократную просьбу об освобождении Вас от обязанностей директора». Подчеркнув заслуги Малиновской: «Вам удалось собрать в коллективе Государственного Академического Большого театра лучшие музыкально-вокальные и балетные силы страны, сплотить их под Вашим руководством, укрепить материальную и финансовую базу театра, улучшить бытовые условия его работников и тем самым поднять значение Государственного Академического Большого театра как лучшего оперного и балетного театра Союза ССР», Енукидзе (опять же, от имени комиссии) выразил Малиновской благодарность и пообещал «возбудить перед Правительством вопрос о назначении Вам персональной пенсии и об иной форме оценки Ваших заслуг» [5, л. 3]. С 1 июля 1935 года Елена Константиновна действительно стала «персональным пенсионером союзного значения» [6, л. 10 об.] (хотя размером пенсии, как увидим ниже, была не вполне довольна).

На отставку Малиновской откликнулись ее старые знакомые в театральном мире. «С грустью узнал о потере в Большом театре надежнейшего друга», — телеграфировал Елене Константиновне В. И. Немирович-Данченко. «Рад буду узнать теперь что Ваша героическая несмотря на ошибки работа будет оценена по достоинству нет худа без добра эта работа сожгла бы Вас окончательно» [7, л. 22]. Сама Малиновская, планировавшая теперь заняться «составлением истории театра со времени февральской революции» [8, л. 153], находилась после отставки в подавленном настроении — переход с многолетней руководящей работы к положению обычной гражданки Советского Союза оказался слишком резким. Около 24 сентября² 1935 года она писала своей многолетней подруге Е. П. Пешковой: «Много раз садилась писать тебе, Катерина, и бросала. С тех пор, как я в роли просительницы, я не чувствую себя просто с тобой. Все время мне кажется, что я в тягость тебе, одна из сотен, что целый день ищут тебя излить свое горе». Настроение не поднимала даже обстановка черноморского курорта (санатория имени Фрунзе), где в тот момент отдыхала Елена Константиновна: «Купаюсь в море 2 раза в день, Мацестинские ванны, общий массаж воды, электризация, изобилие фруктов — всем этим пользуюсь, но тоска грызет и не вижу выхода» [9, л. 1–1 об.].

В молодые годы Е. К. Малиновской отношения с А. М. Горьким, дружеская и откровенная переписка с его женой были чрезвычайно важны для Елены Константиновны. Теперь же им суждено было прерваться. 28 марта 1936 года Малиновская отправила Горькому поздравительную телеграмму к 68-летию [10, с. 377], а через несколько

1 Машинописный документ датирован от руки этим числом, но был составлен, вероятно, ранее: Енукидзе здесь еще указан председателем «Комиссии по руководству государственными академическими театрами Союза ССР».

2 Письмо датировано по почтовому штампу.

месяцев, после смерти писателя, написала последнее (по крайней мере, из сохранившихся) письмо к Е. П. Пешковой: «Родная моя Катерина! Хотя и разошлись мы с тобой в разные стороны и редко видимся, а все-таки близость нашу время не стерло. Со времени появления в газетах первого бюллетеня поняла, что почти безнадежно, и мыслями была с тобой». Малиновская вспоминала прошедшие со времени знакомства с Горьким и Пешковой годы: «За эти дни все 36 лет прошли в моей памяти, вызвав, как и раньше, чувство глубочайшей благодарности. Не только за то, что он сделал мне, а за то счастье, которое испытала я, общаясь с ним»³ [11, л. 1–1 об.]. Малиновская получила персональное приглашение на конференцию «Горький и театр» (13 июня 1937 года в Доме актера) и на открытие Музея А. М. Горького 1 ноября 1937 года. О бывшем директоре не забывали и в театрах: в ее архивном фонде сохранились пригласительные билеты на премьеры Музыкального театра им. В. И. Немировича-Данченко («Бахчисарайский фонтан» 20 апреля 1936 года), МХАТ («Любовь Яровая» 29 декабря 1936 года) и, конечно, Большого театра («Руслан и Людмила» 14 апреля 1937 года) [12, л. 12–17, 20, 25–26].

В 1937 году для Малиновской, как и для многих «старых большевиков» (и обычных граждан), началась полоса тяжелых испытаний. Их предвестником стал арест ее зятя (мужа дочери Антонины), партийного деятеля С. С. Зорина (Гомбарга), состоявшийся еще 1 января 1935 года [13, л. 2], после чего А. П. Зорина-Малиновская с ним развелась. Но этот шаг помог лишь временно: 22 сентября 1937 года А. П. Зорина-Малиновская была арестована в своей квартире. На проведенном 29 сентября допросе Антонина Павловна решительно отрицала осведомленность в «контрреволюционной деятельности» бывшего мужа, но, несмотря на это, была 4 ноября того же года приговорена Особым совещанием при наркоме внутренних дел к заключению в лагерь на восемь лет — как «член семьи изменника родины» [14, л. 1–3 об., 8–15]. Лишь почти четыре года спустя, 13 апреля 1941 года Антонина нашла в себе силы написать матери письмо из заключения: «Бывали времена, хотелось поделиться с тобой, описать свое горе, но почему-то опять не решалась, может быть потому, что не хотела причинить тебе боль, или временами мне казалось, что ты не поверишь, что я ни в чем не виновата. <...> годы шли и вот наконец-то я решилась — напишу маме! Может быть, никогда больше не увижу тебя! <...> Той, конечно, всегда жила, но молчание твое переносила нелегко!» А. П. Малиновская просила прислать ей различные бытовые принадлежности, от пилочки для ногтей до клеенки и ситца, продолжала надеяться на пересмотр дела, одновременно убеждая мать (которую, видно, считала коммунистическим догматиком) в своей невинности и по-прежнему сохранившейся любви к «своей Советской Родине» [13, л. 1–2 об.].

Еще более трагической оказалась судьба сына Елены Константиновны Льва Павловича Малиновского. Комбриг, автор целого ряда военно-теоретических трудов, начальник Главной инспекции Гражданского воздушного флота, уже в августе 1937 года в ходе развернувшихся

³ Письмо написано около 23 июня 1936 года (датировано по почтовому штампу).

в армии «чисток» он был исключен из партии и уволен из РККА, в «кадрах» которой ранее состоял [15, с. 150]. После нескольких месяцев затишья 6 января 1938 года Л. П. Малиновский, работавший теперь в скромной должности художника Художественно-промышленного комбината треста «Мостехторг», был арестован на своей квартире (Петровский переулок, д. 6, кв. 7), в которой проживал вместе с матерью и женой, артисткой З. А. Смирновой (последняя в момент ареста была в командировке). Пыточное следствие быстро заставило Малиновского «сознаться» в участии в «военно-фашистском заговоре» (формулировки его письменных «признаний» весьма красноречивы: «Завершение моего падения», «Моя подрывная вредительская работа в Аэрофлоте», «Вредительство в планировании», «Мое вредительство по звездобразному дизелю» и т. д. [16, л. 2–3 об., 11, 67, 85, 93, 114, 149]; впрочем, несмотря на курьезность, выдержки из показаний были доложены лично И. В. Сталину, «проработавшему» их с карандашом [17, с. 54]). На «суде» (выездной сессии Военной коллегии Верховного суда), проходившем 29 августа 1938 года, Малиновский заявил, что он «виновным себя не признает и от данных им на предварительном следствии показаний отказывается», но это судей эпохи Большого террора не заинтересовало. Льва Павловича приговорили к смертной казни и расстреляли в тот же день в Москве [16, л. 149–156]. Спустя еще полгода, в феврале 1939 года, агент Госфонда забрал у Е. К. Малиновской под расписку конфискованное имущество ее сына [18, л. 1–3 об., 5–5 об.].

Несчастья семьи на этом не закончились. В 1937 году кратковременному аресту подверглась и старшая дочь Е. К. Малиновской Елена Павловна [19, с. 261]. После ареста Л. П. Малиновского сотрудники НКВД вскоре забрали и его жену З. А. Смирнову (впоследствии, после тюрьмы, вышедшую замуж за сына В. И. Немировича-Данченко [20, с. 201]). В письме к В. И. Немировичу-Данченко от 21 июня 1941 года Малиновская рассказывала о том, что ей пришлось пережить в это время: «Когда арестовали сына, Зою — я снова утратила способность работать; когда через год ее вернули мне из лечебницы Ганнушкина совсем больную “для усиленного питания”, — я тоже жила продажей вещей. Тогда меня согрел Н. А. Семашко: узнав о моих переживаниях, он приехал предложить мне помощь и помог вылечить Зою» [21, л. 1]. Знаменитый нарком здравоохранения, знакомый с Малиновской еще с 1905 года (годом позже она пыталась достать через Горького средства для его освобождения под залог из тюрьмы [10, с. 313–314]), не забыл подругу революционной юности, попавшую в тяжелое положение.

И в театральной среде находились люди, не отвернувшиеся от нее, несмотря на опасное родство. Несомненно, Малиновской было приятно получить в августе 1940 года шуточное письмо с поздравлением с прошедшим днем рождения от группы театральных деятелей во главе с Ю. А. Завадским, отдыхавших в знаменитом подмосковном имении Абрамцево. Милый светский слог письма («Как видите — все очаровательно — недостает Вас» и т. д.) отвлекал от тяжелой действительности [22, л. 1 об.]. Поддерживались и уважительные, пусть и с определенным налетом официальности, отношения

с В. И. Немировичем-Данченко: к примеру, в архиве последнего сохранилась телеграмма Малиновской, содержащая поздравление с «совершеннолетием детища» и датированная 16-м числом [23, л. 1]. На обложке сотрудники Музея МХАТ поставили дату 16 мая 1940 года, однако учитывая, что первая постановка Музыкальной студии Художественного театра («детища» Немировича-Данченко), «Дочь мадам Анго», состоялась 16 мая 1920 года [24, с. 455], а в тексте речь идет о совершеннолетию, возможно, вернее было бы датировать 1938 годом.

К 1941 году материальное положение бывшего директора Большого театра стало настолько тяжелым, что она решила обратиться к Немировичу-Данченко с довольно существенной просьбой, породившей в итоге откровенную переписку. Этот диалог в письмах, интересный для ценителя театральной истории, развернулся в июне 1941-го, когда оставались буквально считанные часы до начала Великой Отечественной войны.

Многолетний секретарь В. И. Немировича-Данченко О. С. Бокшанская 18 июня 1941 года сообщила своему шефу: «Звонил мне сегодня Як Леонт.⁴ с таким рассказом. У него была Е. К. Малиновская и “пролила слезы” о своем трудном материальном положении, почему хочет хлопотать об увеличении ей пенсии. Вернее, хочет, чтобы об этом хлопотали Большой театр и наш — в Вашем лице. Она рассчитывает, что если будет бумага за Вашей и Я. Леонт. подписями, в которой будет изложено, каковы были ее заслуги, то можно рассчитывать на удачу. Когда я спросила Як. Леонт., куда должна быть адресована эта бумага, он мне сказал, что Ел. К. хочет, чтобы писалось письмо Сталину». Сообщив Немировичу, что обычная процедура предполагает иной порядок: «вообще по такого рода делам пишутся бумаги в Комиссии: по пенсиям республиканского значения или по пенсиям союзного значения при СНК. Причем в их обычных театральных хлопотах по пенсиям в первую комиссию они обычно обращаются непосредственно сами, во вторую же непосредственно никогда не обращались, а делали это через Комитет по делам искусств», Бокшанская указала на еще более значительное препятствие к исполнению просьбы Малиновской: «Як. Л. далеко не уверен, что возможно письмо о ней прямо к Иосифу Виссарионовичу, и приводит тому обоснования. Одно из них: семейные дела, которые очень сложны» [25, с. 517]. Намек был вполне понятен адресату: репрессированные дети Малиновской бросали на нее саму отблеск «неблагонадежности».

В. И. Немирович-Данченко оказался перед сложным выбором. Отнюдь не лишенный благородства и великодушия, он не хотел оставить Малиновскую, знакомство и сотрудничество с которой продолжалось несколько десятилетий, без поддержки. Но в тех условиях она (упрямая, несмотря на события 1937–1938 годов, не желавшая расставаться со своими представлениями о справедливости) просила об экстраординарном и опасном шаге. Казалось, Немирович нашел выход; уже на следующий день, 19 июня, он составил ответное письмо Малиновской. «От Леонтьева

⁴ Я. Л. Леонтьев — в то время и. о. директора Большого театра.

мне передали Вашу просьбу, и мы займемся этим делом, — писал основатель МХТ. — Но когда это может осуществиться! А между тем приближается Ваша обычная поездка в Сочи, такая необходимая для Вашего здоровья, и Вам, наверно, трудно с деньгами. А я... так как у меня (ради сохранения чести Малого театра) Сталинскую премию отняли и потому просителей стало меньше, — могу легко доставить себе эту радость помочь Вам». Немирович заранее предвидел реакцию Малиновской на предложение денежной помощи: «Знаю, знаю, что первое Ваше движение будет вернуть мне, да еще — того гляди — с нравоучительной запиской. Ну, и чем же это кончится? Только я огорчусь. Притом же, не забывайте, что мы теперь какие-то “свояки”. Это ведь тоже дает права...» (Немирович имел в виду второй брак З. А. Смирновой, вышедшей замуж за Михаила Немировича-Данченко). «Пожалуйста, очень прошу, примите так же легко, как делаю я, не гасите моего порыва», — убеждал свою корреспондентку Немирович, заверяя ее, что она сможет «вернуть», если «разбогатеет» на издании своих мемуаров [20, с. 91].

Малиновская ответила Немировичу-Данченко 21 июня: «Вчера была потрясена Вашим письмом и очень, очень тронута. Я, к счастью, принадлежу к тем людям, которые никогда ничего не забывают, а потому и сейчас считаю Вас очень близким мне человеком, оказавшим когда-то огромную помощь и научившим меня лучше ориентироваться на незнакомом мне поприще. Но в число Ваших родственников я не хочу попасть и, вообще, родственных связей не признаю (одно из доказательств — мое прекрасное отношение к Михаилу Владимировичу)». Малиновская уверяла и адресата, и саму себя в безразличии к браку вдовы своего репрессированного сына с М. В. Немировичем-Данченко; но легко ли ей далась эта маска, созданная и надетая усилием воли? «Я не гашу Ваш “порыв”, он дошел и согрел меня, не избалованную вниманием, но принять его полностью я не могу. Я никогда ни от кого не принимала материальной помощи даже в моменты еще более тяжкие, — продолжала она свой развернутый и откровенный ответ В. И. Немировичу-Данченко. — Вообще за всю прожитую жизнь я имею право сказать, что ни разу не использовала в своих личных интересах учреждения, где работала, и людей, с которыми сталкивалась. Я уверена, что Вы вполне поняли меня и не огорчитесь».

Если Малиновская не желала получать денежную помощь от частных лиц, пусть даже и дружеского круга, это не значило, что она ни в чем не нуждалась и ни на что не претендовала. «Другое дело помощь от государства, если имеешь на нее моральное право, — объясняла свою мысль в том же письме Малиновская. — Я получаю пенсию в 400 р. и с ноября состою “консультантом музея” Большого театра с окладом 500 р., итого номинально 900 р. Но вычеты за налог, за заем, квартира, свет, газ, домработница, без которой я не обойдусь, п[отому] ч[то] с трудом хожу, — все эти обязательные ежемесячные расходы обходятся в 365 р., таким образом на питание, одежду и все остается 535 р. Никто из моих детей не только не могут мне помочь, но, наоборот, нуждаются в моей помощи, ибо, несмотря на постановление партии, — “репрессированные” родственники не дают возможности занять

места по способностям и, например, старшая дочь⁵, имея 2-х детей, надры- ваясь на работе, зарабатывает гроши и живет солидной моей помощью». При этом работа самой Малиновской отнюдь не была синекурой: «Как кон- сультант музея, я просматриваю архив Большого театра, отмечаю совсем не интересное, остальное — перепечатанное на машинке — распреде- ляю по сезонам в таком виде, чтобы будущему историку легко было понять, чем жил в тот год театр. Это, говорят, удалось, — даже по оглавлению видно, и каждый интересующий документ можно моментально найти. Но эта работа, очень кропотливая, отнимающая массу времени — лишь подбор документов. Начато с сезона 1916–17 гг., сейчас кончаю 1925–26 гг.».

Амбиции Малиновской отнюдь не ограничивались ролью составитель- ницы картотеки. Бывший многолетний директор ставила перед собой го- раздо более интересную задачу: «Я имею в прошлом такую интересную жизнь и знаю факты, которые не нашли отражения в документах, но кото- рые необходимо оставить историкам. Поэтому я должна писать воспомина- ния, а написала их лишь отдельные куски. Делать обе работы одновременно я не могу, а так как мне уже скоро 66 лет, мои семейные несчастья очень по- дорвали здоровье, — я начинаю часто задумываться — “а вдруг не успею”... Поэтому хочется довести разбор документов до сезона 1934–35, т. е. до по- следнего моего ухода и дальше бросить. А на что жить? Поэтому я и обрати- лась к Леонтьеву, как директору Большого театра, но который без Вас ничего не может сделать. Это тоже не личные побуждения двигают мною, п[отому] ч[то] я не надеюсь издать при жизни, но, главное, написать надо. Большой театр мне платит очень мало за мою работу, но я согласилась, конечно, по- тому что большего не было, а также и потому, что это давало мне моральное право пользоваться путевкой на 1½ месяца в Поленово. Кроме того, увели- чение оклада все равно не освободит меня от разбора документов и не даст возможность писать воспоминания».

Задумываясь о своей роли в театре, Малиновская приходила к выводу, что она вправе претендовать на более достойное вознаграждение от госу- дарства, которое позволило бы ей сосредоточиться для работы над мемуа- рами. «В настоящее время наше Правительство дало такие пенсии уволенным работникам Большого театра, что это навело меня на мысль о сравнении ре- зультатов их пребывания в театре (конечно, я не о всех так думаю, а о некото- рых) с моими результатами, и решаю в свою пользу. Недавно перечла письма ко мне Константина Сергеевича, Ваши, Ермоловой, Федотовой, Никулиной, Шаляпина, брата Чайковского, М. П. Чеховой и других, кончая Шапориним и Шостаковичем, — ясно, прожила не без пользы. Но ведь помогая людям ис- кусства, — я делала это для искусства. Каждый директор театра помогает ро- сту театра, или его развалу, — середины не может быть, ибо такая середина тоже ведет к развалу. Я имею право сказать, что я подни- мала театр там, где можно было, доказательств много, но я не афишировала свою роль и не интересовалась этим». В заключительной части большого письма Малиновская

⁵ Речь идет о Елене Павловне Малиновской.

еще раз попыталась убедить своего корреспондента обратиться лично к правителю Советского Союза, наметив заранее и ответ на возможные претензии к ее деятельности (которые следовало адресовать к тому времени уже расстрелянному А. С. Енукидзе): «Так вот, Владимир Иванович, если Вы согласны с тем, что записки писать обязательно, что я имею не меньшее право на большую пенсию, какую получили некоторые, то я прошу Вас помочь мне и переговорить на эту тему с Иосифом Виссарионовичем, который меня знает и раньше очень хорошо относился ко мне. Мне известно, что Енукидзе неоднократно наговаривал на меня ему, сваливая свои вредные распоряжения с большой головы на здоровую, а я не могла восстановить истину. Но все-таки он, по-моему, неплохо относится» [21, л. 1–2].

Спустя более чем полвека, в 1993 году, внук Е. К. Малиновской Г. В. Малиновский вспоминал, как он в исторический день 22 июня 1941 года забрал у бабушки, по-прежнему жившей в Петровском переулке, цитированное выше письмо и отнес во МХАТ, отдав «вахтеру, дежурившему на служебном входе» [8, л. 699]. Ответ В. И. Немировича-Данченко не выявлен; скорее всего, его и не было — начало грандиозной войны перечеркнуло многие прежние планы и сделало обращение к Сталину по вопросу пенсии уже явно неуместным. В июле — августе 1941 года все пережившие Большой террор сыновья Малиновской (Валерий, Георгий и Юрий) были мобилизованы в РККА, а сама она 27 июля получила, как «мать военнослужащего», удостоверение от Управления коменданта г. Москвы в том, что она «следует к месту постоянного жительства» в г. Горький (здесь явно была неточность: «постоянно» Малиновская уже несколько десятилетий жила в Москве). Возможно, Малиновская сама выбрала местом эвакуации город, где она родилась и провела годы юности, носивший имя близкого ей человека. Так или иначе, уже 6 августа Елена Константиновна была снята «со снабжения промтоварного и продовольственного по Дирекции Большого театра», а днем ранее и. о. директора Большого театра Я. Л. Леонтьев выдал ей удостоверение, в котором также говорилось о направлении «на временное проживание» в Горький и содержалась просьба «ко всем организациям об оказании тов. Малиновской Е. К. нужного ей содействия, в частности при получении железнодорожного билета при возвращении в Москву» [26, л. 1–3, 5].

Схожий по смыслу, но более яркий по содержанию документ Малиновская получила от В. И. Немировича-Данченко. Директор МХАТ на официальном бланке театра обращался в «горсовет г. Горький» с «с почтительнейшей просьбой оказать содействие Елене Константиновне Малиновской, перед которой весь Московский театральный мир чувствует себя чрезвычайно обязанным за ее работу в эпоху самых трудных революционных переживаний» [7, л. 26]. Возможно, вместе с этой бумагой Немирович все же переслал и какую-то денежную или иную помощь Малиновской; по крайней мере, сохранилась недатированная записка Малиновской к нему, косвенно указывающая на что-то подобное: «Я так растерялась, что ни звука не сказала Вашему сыну, но Вы верно привыкли уже к моей дикости. Огромное спасибо Вам за память обо мне.

Охотно принимаю, п[отому] ч[то] не сомневаюсь в Вашем добром отношении» [27, л. 1–1 об.]. В эти летние дни с их апокалиптической атмосферой Елена Константиновна особенно сблизилась с семьей Немировича-Данченко, на некоторое время даже съехавшись с сыном Владимира Ивановича и своей бывшей невесткой (О. С. Бокшанская писала 16 августа из Москвы эвакуированному в Нальчик Немировичу: «Миша звонил сегодня утром, просил передать Вам его и Зои поцелуи и что Вася⁶ живет хорошо, и что Малиновская поселилась вместе с ними» [25, с. 524]).

Несмотря на выданные ей удостоверения, Малиновская так и не уехала в 1941 году в Горький, а дождалась организованной эвакуации сотрудников и имущества Большого театра в г. Куйбышев (Самару), проходившей 14, 15 и 17 октября 1941-го [28, с. 226]. Уже в начале осени она стала чем-то вроде связного, центра переписки для своих детей, которых война разбросала по стране. Один из сыновей, Георгий Малиновский, в письме от 6 сентября сообщал, что 3 сентября был призван в армию («Призыв был неожиданным. На сборы дали мне 1 ½ часа»), прося мать «поддерживать с женой связь» [29, л. 3]. Жена Георгия, Евгения Александровна, писала Е. К. Малиновской (4 и 22 сентября, с территории Коссинской бумажной фабрики в окрестностях поселка Зуевка Кировской области) письма, выдававшие растерянность молодой женщины, которая вдруг осталась одна с маленьким ребенком: «Простите мне мое бестолковое письмо, но голова у меня плохо соображает. <...> Я на сегодняшний день без работы, что очень неприятно, т. к. устроиться довольно сложно» [30, л. 1 об. — 3]. Другой сын, Юрий, также призванный в армию и находившийся в Ярославле, делился с матерью (в письме от 27 сентября) своими переживаниями насчет того, сможет ли его дочь, старшеклассница Елена, доехать из Москвы к нему в Ярославль: «Настроение неплохое, но постоянно думаю и беспокоюсь о Лене, хочется ей помочь, но не знаю, что практически можно сделать» [31, л. 1 об. — 2]. Требовалось всех приободрить, дать совет, а по возможности и оказать помощь.

Третий сын, Валерий, эвакуировавший жену в г. Березники, призывал мать (7 ноября) подумать о переезде туда же («втроем легче» [32, л. 4 об.]), но она предпочла остаться не с родными, а с театром. 14 октября Елена Константиновна получила от Большого театра справку в том, что она «времененно переводится для работы на периферию и что на основании решения Правительства от 2 июля с. г. за гр. Малиновской сохраняется жилплощадь, занимаемая им⁷ и его семьей в г. Москве по Петровскому пер., дом 6, кв. 7» [26, л. 4]. Ее внук (сын дочери Елены) Глеб Малиновский вспоминал, как на Казанском вокзале в октябре 1941 года провожал бабушку в Куйбышев [8, л. 699]. Сам по себе процесс переезда был мучительным («Сесть в поезд было практически невозможно. Мы четырнадцать суток ехали на машинах», — вспоминал певец И. С. Козловский [33, с. 229]), но Малиновской все же удалось занять место в поезде (который, впрочем, также шел более четырех суток [34, с. 210]) — возможно, потому, что она оказалась

⁶ Сын М. В. Немировича-Данченко и З. А. Смирновой.

⁷ Работником театра.

в первой партии уехавших: «Как я была рада, что ты уехала в тот день. Ты себе не представляешь, что было на следующий и последующие дни», — писала ей 22 октября оставшаяся в Москве дочь Елена [35, л. 1].

Начался последний, «куйбышевский» период в жизни Елены Константиновны. Она по-прежнему поддерживала связь с родственниками и знакомыми по театральному миру, в том числе с семьей виолончелиста и одного из руководителей оркестра Большого театра В. Л. Кубацкого (дочь которого, Мария, жаловалась в письме к Малиновской 26 октября: «Папа уехал в Свердловск, даже не подумал обо мне, что же, не всем же отцам быть хорошими, а то и сравнивать не с кем будет» [36, л. 1]). Своим корреспондентам Малиновская, и сама нуждавшаяся, помогала деньгами (в том числе не из суммы ли, данной ей В. И. Немировичем-Данченко?) — супруга Кубацкого С. Т. Кубацкая в письме, написанном после 13 ноября, благодарила за присланные деньги: «Деньги были очень приятны, но еще дороже и приятнее, что есть у нас такие хорошие и преданные друзья. Это меня тронуло до слез» [36, л. 4]. Дочь Елена писала о том же 1 ноября: «Не вздумай посылать деньги. Дети уехали, и мне вполне хватает своих. Твои 300 р. получились при их эвакуации как нельзя кстати»; и позднее, во второй половине ноября или в начале декабря: «Марианна сообщила, что ты прислала мне 200 руб.⁸ Мама, не посылай мне больше. Наши расходы так скромны, что мне хватает зарплаты» [35, л. 3, 6]. Дети сообщали ей о положении в Москве, делились прогнозами на будущее — дочь Елена писала 5 ноября, накануне 24-й годовщины главного советского праздника, о своей уверенности в том, что «25-ю годовщину Советский Союз будет встречать победителем фашистов» [35, л. 5 об.]. Сын Валерий в письме от 7 ноября также был «твердо уверен, что следующую годовщину мы снова вместе встретим Октябрь на свободной советской земле». В другом написанном в тот же день письме Валерий допускал, что «Москву получить <...> врагу, может быть, и удастся, но ценой, которая станет причиной его окончательного поражения» [32, л. 3 об. — 4].

Умонастроение самой Е. К. Малиновской в это время показывают ее письма к дочери Елене. 14 ноября она в оптимистическом тоне сообщала о своем бо-

лее чем скромном быте: «Живем все в этой же школе⁹, мне обещали комнату, но я не уверена, что это будет лучше. Народ в моей комнате порядочный, ко мне все относятся хорошо. Я много работаю по общ [ественной] линии, целый день хлопочу до ночи. Стараюсь забыться в этой работе. <...> Газеты читаю аккуратно, но более ничего. Вяжу шарф и ношушь по этажам. В понедельник в театре будет партсобрание актива нашего района, зовут и меня, значит, признают активной». Малиновская беспокоилась о судьбе своей квартиры, в которую могли в ее отсутствие заселить чужих людей, и размышляла, не лучше ли, для сохранности имущества, предложить семье Кубацких поселиться там: «Жалко, если растащут чужие люди, ведь у меня ничего

8 Этот перевод был, по сообщению самой Е. К. Малиновской, из полученных ею «эвакуационных» денег [37, л. 3].

9 Е. К. Малиновская, как и многие другие эвакуированные работники Большого театра, была размещена в школе № 81, куда и адресовывались все письма к ней вплоть до января 1942 года [35, л. 9].

не запрятано»¹⁰. Писала она, конечно, и о жизни Большого театра в эвакуации: «В театре лишь концерты, т. к. костюмов, декораций, нот нет», и о своих встречах с интересными людьми, среди которых был и Д. Д. Шостакович: «Вчера был Шостакович у меня. Пока еще не наладил свою жизнь, но комната у него хорошая, дают рояль, обеспечен материально», и давняя подруга Е. П. Пешкова: «На днях нашла меня Екатерина. Едет в Ташкент к внукам. Пробыла с полчаса, с поезда» [37, л. 1–1 об.].

В следующем письме к дочери (недатированном) Малиновская с ее деятельной натурой дала волю накопившемуся раздражению: «Я работаю по-прежнему, но тошно, п[отому] ч[то] ничего не делается дирекцией, у нас даже коменданта нет. Вообще тошно ужасно, но ничего не поделаешь. <...> Питания здесь дают много, жрут и судачат, не думая о переживаемом моменте и уйти от этого некуда» [37, л. 3 об.]. В последнем из сохранившихся писем к Елене Павловне, написанном, судя по содержанию, после начала контрнаступления под Москвой 5–6 декабря 1941 года («У нас вести хорошие с фронта и мы здесь завидуем москвичам. Но м [ожет] б [ыть], повторяю, это присущий мне оптимизм»), Малиновская вернулась к волновавшему ее вопросу сохранности собранного и систематизированного ею театрального архива: «Всего дороже мне ящики, которые стоят под дирекцией в убежище, где хранится склад Большого театра <...> Хорошо бы, чтобы кто-нибудь узнал, хорошо ли они там стоят. 4 ящика с надписью моей фамилии». Елена Константиновна писала о театральных новостях: «Сегодня приехала группа в 40 ч [еловек] с Черняковым. Получено известие о гибели Исаева, убитого на площадке вагона с бреющего полета»¹¹, жаловалась на бытовые условия: «Здесь маемся без матрасов, платим за ватный 99 р., без утюга, мясорубки, кастрюли, без самых необходимых вещей, таза и пр.», но, как обычно, завершала на оптимистической ноте: «Я решила не готовить, но опять нашлись добрые люди, меня кормят. Все уважают меня за мою общ [ественную] работу и поэтому мне ничего не надо» [37, л. 4–4 об.].

Одной из последних вестей от родных, полученных Е. К. Малиновской, стала отправленная 1 января 1942 года телеграмма от дочери Елены и ее детей с поздравлением с Новым годом и надеждой на скорую встречу в Москве после побед Красной армии [35, л. 9]. Балерина Н. А. Капустина, эвакуированная вместе с Е. К. Малиновской, вспоминала о последних месяцах жизни бывшей начальницы: «В последний раз я видела Елену Константиновну в Куйбышеве, куда она эвакуировалась вместе с театром в дни Великой Отечественной войны. <...> В Куйбышеве она была очень одинока: ни близких, ни родных с ней в то время не было. Жили мы с ней в одной школе. Как-то я ей принесла цветы, которые были редкостью в то морозное военное время. Она очень обрадовалась,

10 Дочь почти в каждом письме к матери успокаивала на этот счет: «У тебя на квартире все по-прежнему. Хотели было заселять, но приостановили» (письмо от 1 ноября); «За квартиру не беспокойся. Все — в полном порядке, в целостности и сохранности» [35, л. 3 об., 8 об.].

11 Смерть одного из старейших сотрудников театра (с дореволюционных времен) Л. Л. Исаева нашла отражение и в мемуарах И. С. Козловского: «Во время эвакуации фашисты разбомбили эшелон с декорациями и костюмами. Погибли сопровождающие его рабочие сцены и заведующий постановочной частью театра Л. Исаев» [33, с. 229].

прослезилась, целовала, прижимала их к груди. Очень была тронута моим вниманием». Условия жизни в эвакуации были тяжелыми; по словам Капустиной, Малиновская «жила в холодном классе¹²: простудилась, попала в больницу и умерла там же, в Куйбышеве, в 1942 году» [8, л. 128]. Болезнь началась еще в декабре, и в первое время, казалось, врачам удалось совладать с кризисом. В ответ на встревоженную телеграмму детей Е. К. Малиновской Елены и Валерия в Куйбышев Я. Л. Леонтьеву (писавших, в частности: «Благодарим Вас и товарищей за сердечное, чуткое отношение к маме. Умоляем систематически извещать о ее здоровье. Не надо ли прислать внучку 17 лет для ухода за ней?» [38, л. 1]) последний 23 декабря 1941 года телеграфировал: «Опасный период болезни Елены Константиновны миновал, наступило значительное улучшение, некоторое осложнение на почки опасности не вызывает». Леонтьев полагал, что необходимости в приезде внучки нет, передавая мнение врачей о полном выздоровлении Малиновской в скором времени [39, л. 1]. Этот прогноз, к сожалению, не оправдался.

Согласно свидетельству о смерти, Елена Константиновна Малиновская скончалась 12 января 1942 года [40, л. 1]. Спустя неделю был составлен список оставшегося после нее имущества, среди которого оказались «золотые часы дамские с черной цепочкой», «немного зарубежных духов», «2 колоды игральных карт (новых)», «разные колоды игральных карт», «250 гр. натурального кофе», «коробочка какао не полная» и даже «1 противогаз» [41, л. 1–4]. Если исключить противогаз, появившийся явно в связи с военным временем, то из списка вещей вырисовывается образ дамы, и в эвакуации стремившейся достойно выглядеть, любительницы кофе и карточной игры и, конечно, до конца дней влюбленной в театр. О. С. Бокшанская, сама эвакуированная в Саратов, в письме от 24 января 1942 года сообщила В. И. Немировичу-Данченко о смерти Малиновской, назвав ее среди людей, «близких Большому театру» [25, с. 585]. За достаточно сухой, формальной характеристикой стояла четверть столетия, отданная Еленой Константиновной сценическому миру, и прежде всего Большому театру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хроника несостоявшегося возвращения. Ф. Ф. Комиссаржевский — Е. К. Малиновская: письма (1917–1934). Приложение: письмо Н. Я. Береснева Ф. Ф. Комиссаржевскому (1924)/публ., вступит. статья и коммент В. В. Иванова // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 7/ред.-сост. В. В. Иванов. М.: «Индрик», 2019. С. 369–418.
2. Гордеев П. Н. «Хочется идти к вам и своими руками очистить дорогой театр от скверны, занесенной стихийным безумием»: разгром Малого театра в начале ноября 1917 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2022. № 3. С. 53–72.
3. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике 1917–1953 гг./ сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. — 868 с.
4. Максименков Л. В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М.: Юридическая книга, 1997. — 320 с.

12 Сама Малиновская еще 14 ноября 1941 года писала дочери Елене: «Холод жуткий, 17 град [усов] на улице, здесь с дровами катастрофа» [37, л. 1].

5. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1933. Оп. 2. Д. 38.
6. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 79.
7. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 54.
8. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 24 а.
9. Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). Архив А. М. Горького. ФЕП-кр 39–1–73.
10. Архив Горького. Т. 14: Неизданная переписка. М.: Наука, 1976. — 530 с.
11. ИМЛИ РАН. Архив А. М. Горького. ФЕП-кр 39–1–75.
12. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 80.
13. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 46.
14. Центральный архив ФСБ России. Архивно-уголовное дело Р — 12130.
15. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс-Истори, 2014. — 528 с.
16. Центральный архив ФСБ России. Архивно-уголовное дело Р — 10716.
17. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: документы и комментарии / сост. В. Н. Хаустов. М.: МФД, 2011. — 528 с.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р — 7009. Оп. 1. Д. 6.
19. Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. — 672 с.
20. Немирович-Данченко В. И. Творческое наследие: в 4 т. / сост., ред. и комм. И. Н. Соловьева. Т. 4. М.: Московский Художественный театр, 2003. — 734 с.
21. Музей МХАТ. Н.-Д. № 4842.
22. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 39.
23. Музей МХАТ. Н.-Д. № 4841.
24. «Три года недобровольного изгнания». «Качаловская группа» Художественного театра. Май 1919 — май 1922. Письма / публ., вступ. ст. и комм. М. В. Львовой // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 5 / ред.-сост. В. В. Иванов. М.: «Индрик», 2014. С. 363–494.
25. Письма О. С. Бокшанской Вл. И. Немировичу-Данченко: в 2 т. / сост., ред., комм. И. Н. Соловьева. Т. 2. М.: Московский художественный театр, 2005. — 911 с.
26. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 85.
27. Музей МХАТ. Н.-Д. № 4843.
28. Грошева Е. А. Большой театр Союза ССР. М.: Музыка, 1978. — 396 с.
29. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 48.
30. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 44.
31. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 49.
32. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 47.
33. Козловский И. С. Музыка — радость и боль моя. Воспоминания, письма, статьи, интервью / ред.-сост. Г. С. Кострова. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2003. — 383 с.
34. Захаров Р. В. Искусство — фронту (из воспоминаний) / вступ. текст, сост., подг. и комм. В. М. Турчина // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 2. С. 208–221.
35. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 45.
36. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 42.
37. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 28.
38. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 310.
39. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 304.
40. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 86.
41. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 328.

REFERENCES

1. Ivanov V. V. *Hronika nesostojavshegosja vozvrashhenija*. F. F. Komissarzhevskij — E. K. Malinovskaja: *pis'ma* (1917–1934). *Prilozhenie: Pis'mo N. Ja. Beresneva F. F. Komissarzhevskomu* (1924) [Chronicle of

- the failed return. F. F. Komissarzhevsky — E. K. Malinovskaya: letters (1917–1934). Appendix: Letter of N. Ya. Beresnev to F. F. Komissarzhevsky (1924)]. In: *Mnemozina. Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka. Vyp. 7* [Mnemosyne. Documents and facts from the history of the Russian Theatre of the XX century. Issue 7]. Ed. V. V. Ivanov. Moscow: Indrik, 2019, pp. 369–418.
2. Gordeev P. N. “*Hochetsja idti k vam i svoimi rukami ochistit’ dorogoj teatr ot skverny, zanesennoj stihijnym bezumijem*”: razgrom Malogo teatra v nachale nojabrja 1917 g. [“I want to come to you and clean the expensive theatre with my own hands from the filth brought by spontaneous madness”: the defeat of the Maly Theatre in early November 1917]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istorija* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 8: History]. 2022, no. 3, pp. 53–72.
 3. *Vlast’ i hudozhestvennaja intelligencija: Dokumenty CK RKP (b) — VKP (b), VChK — OGPU — NKVD o kul’turnoj politike 1917–1953 gg.* [The authorities and the artistic intelligentsia: Documents of the Central Committee of the RCP (b) — the CPSU (b), the CHEKA — OGPU — NKVD on cultural policy of 1917–1953]. Ed. A. Artizov, O. Naumov. Moscow: MFD, 1999. 868 p.
 4. Maksimenkov L. V. *Sumbur vmesto muzyki. Stalinskaja kul’turnaja revoljucija 1936–1938* [Confusion instead of music. Stalin’s Cultural Revolution of 1936–1938]. Moscow: Juridicheskaja kniga, 1997. 320 p.
 5. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fond 1933. Op. 2. D. 38.
 6. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 79.
 7. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 54.
 8. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 24 a.
 9. Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Archive of A. M. Gorky. Fond “Ekaterina Peshkova” (IMLI RAN. Arhiv A. M. Gorkogo). FEP-kr 39–1–73.
 10. *Arhiv Gorkogo. T. 14: Neizdannaja perepiska* [Gorky Archive. Vol. 14: Unpublished correspondence]. Moscow: Nauka, 1976. 530 p.
 11. IMLI RAN. *Arhiv A. M. Gorkogo* [A. M. Gorky Archive]. FEP-kr 39–1–75.
 12. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 80.
 13. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 46.
 14. Central Archive of the FSB of Russia (TsA FSB). *Arhivno-ugolovnoe delo* [Archival criminal case] R — 12130.
 15. Cherushev N. S., Cherushev J. N. *Rasstreljannaja elita RKKA. 1937–1941: kombrigi i im ravnye* [The executed elite of the Red Army. 1937–1941: Brigade commanders and their equals]. Moscow: Kuchkovo pole; Iks-Histori, 2014. 528 p.
 16. TsA FSB. *Arhivno-ugolovnoe delo* [Archival criminal case] R — 10716.
 17. *Lubjanka. Sovetskaja jelita na stalinskoj golgofe. 1937–1938. Arhiv Stalina: Dokumenty i komentarii* [Lubyanka. The Soviet elite on Stalin’s Golgotha. 1937–1938. Stalin’s Archive: Documents and comments]. Ed. V. N. Haustov. Moscow: MFD, 2011. 528 p.
 18. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fond R — 7009. Op. 1. D. 6.
 19. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Putevoditel’. T. 5. Lichnye fondy Gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii (1917–2000 gg.)* [The State Archive of the Russian Federation. Guidebook. Vol. 5. Personal funds of the State Archive of the Russian Federation (1917–2000)]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2001. 672 p.
 20. Nemirovich-Danchenko V. I. *Tvorcheskoe nasledie: v 4 t.* [Creative heritage: in 4 vols.]. Ed. I. N. Solov’eva. Vol. 4. Moscow: Moskovskij Hudozhestvennyj teatr, 2003. 734 p.
 21. Muzeum of the Moscow Art Theatre. Fond N.-D. № 4842.
 22. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 39.
 23. Muzeum of the Moscow Art Theatre. Fond N.-D. № 4841.
 24. L’vova M. V. “*Tri goda nedobrovol’nogo izgnanija*”. “*Kachalovskaja gruppa*” Hudozhestvennogo teatra. Maj 1919 — maj 1922. *Pis’ma* [“Three years of involuntary exile”. “Kachalov group” of the Moscow Art Theatre. May 1919 — May 1922. Letters]. In: *Mnemozina. Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka. Vyp. 5* [Mnemosyne. Documents and facts from the history of the Russian Theatre of the XX century. Issue 5]. Ed. V. V. Ivanov. Moscow: Indrik, 2014, pp. 363–494.
 25. *Pis’ma O. S. Bokshanskoj Vl. I. Nemirovichu-Danchenko: v 2 t.* [Letters of O. S. Bokshanskaya to V. I. Nemirovich-Danchenko: in 2 vols.]. Ed. I. N. Solov’eva. Vol. 2. Moscow: Moskovskij hudozhestvennyj teatr, 2005. 911 p.

26. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 85.
27. Muzeum of the Moscow Art Theatre. Fond N.-D. №4843.
28. Grosheva E. A. *Bol'shoj teatr Sojuza SSR* [Bolshoi Theatre of the USSR]. Moscow: Muzyka, 1978. 396 p.
29. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 48.
30. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 44.
31. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 49.
32. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 47.
33. Kozlovskij I. S. *Muzyka — radost' i bol' moja. Vospominanija, pis'ma, stat'i, interv'ju* [Music is my joy and pain. Memoirs, letters, articles, interviews]. Ed. G. S. Kostrova. Moscow: OLMA-PRESS: Zvezdnyj mir, 2003. 383 p.
34. Zaharov R. V. *Iskusstvo — frontu (iz vospominanij)* [Art — to the front (from memories)]. Ed. V. M. Turchina. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka* [Theatre. Fine Arts. Cinema. Music]. 2020, no. 2, pp. 208–221.
35. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 45.
36. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 42.
37. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 28.
38. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 310.
39. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 304.
40. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 86.
41. RGALI. Fond 1933. Op. 2. D. 328.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гордеев Пётр Николаевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: petergordeev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2842-4297

ABOUT THE AUTHOR

Petr N. Gordeev — Dr. Sc. in History, senior researcher of Department of Russian history (XIX–XXI centuries), Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: petergordeev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2842-4297

Статья поступила в редакцию: 03.12.2022

Отредактирована: 13.01.2023

Принята к публикации: 1.02.2023

Received: 03.12.2022

Revised: 13.01.2023

Accepted: 1.02.2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гордеев П. Н. «Считаю Вас очень близким мне человеком...»: Е. К. Малиновская, В. И. Немирович-Данченко и другие в 1935–1942 годах // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2023. № 1. С. 87–103.

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-1-87-103

FOR CITATION

Gordeev P. N. "I consider you a very close person to me...": E. K. Malinovskaya, V. I. Nemirovich-Danchenko and others in 1935–1942. *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2023, no. 1, pp. 87–103.

DOI: 10.35852/2588-0144-2023-1-87-103